

В начале ноября 1910 года ночами стали случаться первые заморозки, но днем земля оттаивала и дороги расквашивало так, что иная изможденная крестьянская лошадка не в силах была тащить телегу с налипшими на ее колесах комьями грязи. По такой раскисшей дороге и прискакал в Ясенковское волостное правление из Костомаровской становой квартиры конный полицейский стражник Аким Дороднов со срочным донесением от станowego. Время было полуденное, и полицейский урядник Ясенковской волости Николай Иванович Сидров в это время находился в правлении. Ловко спрыгнув с лошади, Аким, придерживая полы форменного пальто, неуклюже поднялся по ступенькам на крыльцо и толкнул дверь. В правлении было немногочисленно, несколько крестьян сидели на длинной скамье у двери в Ясенковский волостной суд, ожидая приглашения.

— Господин урядник, объявлен сигнал сбора. Вам необходимо срочно явиться в Крапивну, в полицейское управление,— проговорил он с порога, войдя в помещение участка, даже не поздоровавшись с урядником.— Становой в Крапивну уже выехал.

— Что случилось? — спросил у Акима Николай Иванович.

— Не могу знать! — ответил тот.

— Уж не война ли, Аким? — в голосе Сидорова послышались тревожные нотки.

— Не могу знать, господин урядник! — вновь повторил Аким и вытянулся как по стойке смирно.— Мне много разговаривать некогда, нужно еще всех оповестить,— сказал он и, неумело козырнув, вышел.

На улице он оскользнулся и, чертыхаясь, взобрался на лошадь. Пришпорив, погнал ее вдоль неказистых изгородей по раскисшей черной кашнице.

В Крапивненском полицейском управлении Сидоров был через полтора часа. В коридоре здания толпились полицейские, было шумно. Он прошел в большую и просторную комнату, называемую залой, в которой всегда проходили служебные совещания. В зале на стульях сидели полицейские и разговаривали друг с другом, было шумно. Увидев свободное место рядом с полицейским урядником Головеньковской волости Аристовым, Николай Иванович начал между рядов протискиваться к нему, на ходу здороваясь со многими знакомыми. Кроме полицейских в зале находились стражники крапивненской уездной тюрьмы и пожарной команды. Кивнув сидевшим поодаль станowym, Сидоров присел на стул рядом с Аристовым.

— Что случилось, Андрей, уж не война ли? — спросил он, протягивая Аристову руку для рукопожатия.

— Граф Толстой умер,— ответил тот, пожимая протянутую ему руку.

— Да ты что?! — неподдельно удивился Сидоров, хотя ранее уже знал, что граф Лев Толстой находился в болезненном состоянии на какой-то далекой железнодорожной станции, где-то не то в Рязанской, не то в Тамбовской губернии.

— Да, да, Николай Иванович, умер граф,— подтвердил сказанное Аристов.

— Не выкарабкался, стало быть, из болезни! Печально! — вздохнул Сидоров.

— А вам-то, Николай Иванович, что за печаль? — с горькой иронией в голосе спросил Аристов, и как показалось Сидорову, он при этом ухмыльнулся.

— Ну как же не печалиться?! — удивился Сидоров иронии Аристова.— Человек же умер. Да еще какой человек! — ответил он, многозначительно подняв вверх указательный палец.

— Вот именно, что какой! — невесело проговорил Аристов.— Вам-то теперь поспокойнее будет без него.

— Да мне и при нем было спокойно.

— Не скажите, Николай Иванович, не скажите,— отрицательно мотнул головой Аристов, и на его лице вновь появилась ухмылка.— Думаете, мы слепые? Думаете, мы ничего не видели и ничего не понимали?

— О чем это ты, Андрей? — Николай Иванович внимательно взглянул Аристову в глаза. Тот взгляда не отвел.

— О чем это я, спрашиваете? О делах наших скорбных, полицейских, вот о чем!

— Я тебя не понимаю, Андрей.

— Все вы, Николай Иванович, понимаете, все! Хитрите только! Не хотите правду нашим начальникам говорить, не хотите! А они, начальники наши, с графом ничего поделывать не могли. Всех его секретарей в ссылку сослали! У кого из мужиков графское лжеучение находили, всех на каторгу отправляли, всех в тюрьмы сажали! А его самого-то не трогали! А почему?

— И почему же?

— Боялись его, вот почему! Боялись, что за графа народ восстанет! А на вас, Николай Иванович, и на становом они всю свою злобу вымещали! Руки у них коротки до графа! И у исправника коротки, и у полицмейстера, и у жандармов, и у губернатора, да и самого самодержца тоже руки до графа коротки! У нас у всех до графа были руки коротки! Ну, вот теперь его не стало, теперь все будет по-другому! — Аристов распалился, лицо его покраснело, зрачки глаз расширились, от чего его взгляд стал казаться на взгляд сумасшедшего человека, губы скривились то ли в злой ухмылке, то ли в злобном оскале.

— Не пойму я тебя, Андрей, ты пьян что ли? — спросил Николай Иванович, почувствовав исходящий от Аристова запах спиртного.

— Да, немножко выпил, графа помянул,— ответил тот.

— Ну, тогда помолчи, Андрей, помолчи. А то ты слишком расшумелся, разговариваешь очень громко, даже на крик перешел. Не ровен час исправник тебя заметит,— вполголоса проговорил Николай Иванович, слегка сжав Андрею руку. Тот кивнул головой и замолчал.

Николай Иванович тоже замолчал. Узнав о смерти Льва Толстого, он испытал двойное чувство. С одной стороны, Аристов, конечно, прав. Он и сам прекрасно осознавал, что граф Толстой в народе был любим, а потому власть, боясь этого самого народа, графа не трогала, и ему многое сходило с рук. И теперь, после его смерти, для полиции многие проблемы отпадут сами собой. Но с другой стороны, у него с Львом Николаевичем были налажены определенные взаимоотношения, и их нельзя

было отнести к категории плохих. Графа он уважал как писателя, как человека, пусть со своим особым взглядом на жизнь, уважал как защитника простого русского мужика-крестьянина, которого и он, Сидоров, тоже всегда уважал и старался защитить его не только от преступных посягательств, но и от произвола начальников. Толстой знал об этом, а потому и к нему тоже имел уважение. По крайней мере, зная нелюбовь графа к полиции, не было случая, чтобы его, урядника Сидорова, граф Лев Толстой где-то, в чем-то унизил или высказался о нем плохо.

Его размышления прервал крапивенский уездный исправник сорокадвухлетний Николай Александрович Галунский. Он вошел в залу и направился к стоявшему на небольшом возвышении покрытому зеленым покрывалом столу. На стоявший рядом стул не присел, оставаясь стоять под висевшим на стене портретом царя-самодержца. В зале было душно, а потому он достал из кармана форменных брюк белый в темную горошину платок, вытер им начавшую уже лысеть голову, усы и небольшую бородку и, дождавшись тишины в зале, заговорил:

— Господа, я срочно собрал вас по случаю кончины графа Льва Толстого.

После его слов полицейские и стражники вновь зашумели, заговорили друг с другом, задвигали стульями, исправник молчал.

— Когда же он почил? — спросил кто-то из зала громким и немного писклявым голосом.

— Нынче утром в шесть часов пять минут. Я продолжу, господа, с вашего позволения, — вновь заговорил исправник. — В связи с кончиной графа мы предполагаем, что из различных мест может произойти массовый наплыв его сторонников для участия в его похоронах. Возможно, прибудет большое количество студентов из Москвы и Санкт-Петербурга, а потому, господа, существует опасность противоправительственных выступлений с их стороны. Нам предписано принять надлежащие меры по недопущению никаких демонстраций, стачек или каких-либо других осложнений, — Галунский замолчал, внимательно наблюдая за реакцией сидящих в зале полицейских. Те молчали, внимательно взирая на исправника. — Его высокоблагородие господин тульский губернатор по недопущению беспорядков собирается дополнительно направить на станцию Щекино пятьдесят стражников из Ефремова, Венева и Богородицка. Нынче же на станцию приедет и его благородие господин тульский полицмейстер, он будет координировать все наши действия по прибытии на станцию Щекино гроба с телом графа, — продолжил он.

— Николай Александрович, допускать ли нам на станцию людей из ближайших деревень по прибытии поезда? — поднявшись с места, спросил становой Разумовский.

— Александр Дмитриевич, любезный, все будет решать его превосходительство господин полицмейстер. Будем выполнять его решения. Решит не пускать, то не будем пускать, примет он другое решение, мы будем выполнять это его другое решение. Поверьте, мне сейчас трудно представить, как будут развиваться события, — ответил Галунский. — А с вами, любезный Александр Дмитриевич, я сейчас же хотел поговорить не по этому вопросу, а совершенно по-другому. В связи с прибытием пятидесяти стражников вам нужно распорядиться об их размещении в ближайших к станции деревнях, обеспечить им питание и организовать сбор корма для их лошадей. Кто из ваших урядников способен решить эти вопросы? — исправник выжидательно взглянул на станового.

— Я думаю, что с этим справится урядник Сидоров, — не задумываясь ни минуты, ответил становой. — Станция расположена на территории его волости, он там всех знает, ему и решать эти вопросы.

— Очень хорошо. Где Сидоров? — исправник начал взглядом искать Николая Ивановича.

— Здесь,— ответил тот и поднялся со стула.

— Вы, Николай Иванович, слышали, что от вас требуется? — спросил исправник.

— Да, Николай Александрович, я все слышал и все понял. Разрешите приступить к исполнению?

— Давайте, Николай Иванович, приступайте. После того как разрешите дела с размещением стражников, выясните на станции Щекино время прибытия поезда с гробом графа, по моим сведениям этот поезд уже в пути. Затем немедленно выезжайте в Ясную Поляну и узнайте, собираются ли родственники графа отпевать его в церкви, а также выясните точное место предания тела земле. По моим сведениям, его собираются похоронить где-то на отшибе, на краю какого-то оврага,— после этих слов исправника в зале вновь поднялся шум и гвалт. Сведения о месте захоронения графа Толстого его родственниками на краю оврага полицейских шокировали. С мест стали раздаваться выкрики: «Кто решил хоронить графа в овраге?», «Да что они себе позволяют?», «Кто им такое позволил?», «Неужели графиня не остановит этих безумцев?»

— Тише, господа, тише! Место погребения графа Толстого выбрано его родственниками по его прижизненному завещанию. Так что успокойтесь,— произнес Галунский, призывая полицейских к порядку. Затем, когда шум вновь стих, повернулся к Сидорову.— Николай Иванович, любезный, вам план действий понятен? — спросил он.

— Так точно, понятен,— ответил Сидоров.

— Тогда все, приступайте к действию и немедленно. Мы будем вас ждать на станции Щекино. Когда все закончите, выезжайте туда, будем от вас ждать подробный доклад.

— Мне бы в помощь кого, боюсь, что один ко времени не управлюсь,— с нотками сожаления в голосе произнес Сидоров, обращаясь к исправнику.

— Хорошо, если один не управитесь, возьмите с собой кого-нибудь,— согласился исправник.

— Если можно, то я бы взял с собой Аристов. Наши с ним волости соседствуют, и он тоже многих знает как в Ясной, так и в Колпне,— попросил Николай Иванович, теперь уже обращаясь к становому.

— Я не против,— махнул тот рукой.

На улице Сидоров, отвязывая от коновязи свою лошадь, повернул голову к Аристову.

— Езжай, Андрей, домой и постарайся привести себя в порядок, лучше будет, если ты немного поспишь. На станции будет полицмейстер и ты должен быть свежим, езжай,— проговорил он.

— Николай Иванович, вы думаете, я тут кого-нибудь боюсь из этих? — спросил Аристов, кивая головой в сторону здания управления, кривя губы и пытаясь отвязать свою лошадь, но это ему никак не удавалось.

— Андрей, я знаю, что ты никого не боишься, но ты разговорами теряешь время. Езжай домой и отдохни,— ответил ему Сидоров. Затем помог Аристову отвязать его лошадь, чуть ли не силой усадил его в пролетку, сунул ему в руки вожжи и хлестанул лошадь. Та резко взяла с места.— Езжай, езжай! — крикнул он Аристову вдогонку. Затем улыбнулся, покачал беззлобно по-отцовски головой и, усевшись в пролетку, тоже погнал свою лошадку.

* * *

Подъезжая к башенкам въездных ворот имения Толстых, Николай Иванович заметил скопление людей, в основном, это были молодые парни, одетые в студенче-

скую одежду. Увидев подъезжающую пролетку с сидевшим в ней полицейским, они расступились, и Николай Иванович проехал мимо них, останавливаться не стал. На территории имения тоже было многолюдно, но здесь среди приезжих он увидел и местных крестьян. Обстановка в имении, да и в самой деревне, была гнетущая, многие ходили с хмурыми лицами, с потупившими в землю взглядами. Были взгляды и исподлобья, так в основном смотрели на Сидорова приезжие люди, но противоположных действий с их стороны не было. Проехав к дому Толстых, Николай Иванович среди многих людей заметил лакея Тихона, тот как раз выходил из дома. Он отметил про себя, что Тихон осунулся, похудел, еще больше ссутулился.

— Здравствуй, Тихон,— поздоровался с ним Сидоров.

— Здравствуйте, Николай Иванович,— склонил Тихон голову.

— Какие дела у вас тут происходят, Тихон? — спросил Сидоров.

— Какие же теперь дела? — вопросом на вопрос ответил тот.— Льва Николаевича нынче должны привезти для похорон,— тихо и с горечью в голосе проговорил Тихон и поднял на Николая Ивановича то ли от бессонницы, то ли от слез красные глаза.

— А где же его хоронить будут?

— Около оврага. Туда уже пошли могилу копать,— ответил Тихон, указав рукой в нужную сторону.

— На кладбище надо бы, а то не по-людски как-то,— проговорил Николай Иванович.

— Такая была его, графская, воля,— сказал Тихон и перекрестился.

— А в доме-то есть кто из графских? — Николай Иванович кивнул головой в сторону дома.

— Нет никого, одна прислуга, а графы все на Засеку уехали, поезд с гробом встречать,— ответил Тихон.

— На Засеку? — переспросил Сидоров.

— Да, на Козлову.

— Так ведь его должны были на станции Щекино встречать, а не на Козловой Засеке.

— Нет, нет, на Засеке.

— А ты, Тихон, часом ничего не путаешь?

— Нет, я точно знаю: на Козловой Засеке будут гроб принимать.— Пойду я, Николай Иванович, подсоблю там, на кухне,— произнес он и, ссутулившись, направился в сторону двери.

Николай Иванович подстегнул лошадь и поехал в сторону оврага. Стоявших с лопатами в руках крестьян он увидел издали, неспешно подъехал к ним, остановил лошадь, но сам остался в пролетке. Крестьяне сняли шапки и картузы, трижды перекрестились и, поплевав на свои ладони, принялись рыть могилу. Работали молча. Одни всаживали в примороженную землю штык лопаты и выворачивали ее, другие эту землю откидывали, и на месте отвала стала заметно расти земляная горка, третьи, побряхтывая при каждом ударе, подрубали топорами попадавшие корни деревьев. Николай Иванович слез с повозки и подошел к крестьянам.

— Могилу роете? — спросил он.

— Да. Для нашего барина Льва Николаева,— произнес один из копавших землю, яснополянский крестьянин по фамилии Фоканов. Сидоров хорошо помнил его. Помнил, как у Фоканова однажды конокрад увел лошадь, но он ее быстро нашел и вернул хозяину, за что тот был ему благодарен.

— А отвезать графа будут или нет? — спросил Николай Иванович.

— Я слышал, что не будут,— ответил Фоканов.— А ты, Кузьма, не слышал, будут

барина отпевать или не будут? — спросил он, обращаясь к другому крестьянину, тому, что рубил топором корни деревьев.

— Нет, в церковь его не повезут, и дома попа не будет,— ответил тот и, побряхтывая, вновь принялся рубить корни.

Николай Иванович вернулся к лошади, сел в пролетку и, поигрывая вожжами, отправился в обратную дорогу. Заехав в Кочаковскую церковь и убедившись у священника, что Толстого отпевать не будут, помчался на станцию Щекино. Нужно было срочно докладывать, что гроб с телом будут принимать не на этой станции, а на станции Козлова Засека. Подъезжая к станции Щекино, Николай Иванович увидел огромное количество народа. Весть о том, что на станцию приезжает поезд, в котором везут мертвого Льва Толстого, быстро облетела округу, и из ближайших к станции деревень, не сговариваясь друг с другом, двинулись люди, чтобы проводить в последний путь своего знаменитого земляка и защитника.

Привязав свою лошадку к дереву поодаль от станции, Сидоров с трудом начал протискиваться сквозь массу людей к перрону. Многие, в основном женщины, не дождавшись поезда, уже пели «Вечную память». Мужики напирали на оцепление, но тонкую цепь полицейских и нижних чинов железнодорожной жандармерии им прорвать никак не удавалось. Пройдя сквозь оцепление, Сидоров вышел на заполненный полицией перрон. Исправника Галунского он увидел издали. Он стоял рядом с полицмейстером Вернером и что-то ему говорил. Полицеймейстер шел неспешно по перрону, заложив руки за спину и, видимо соглашаясь с Галунским, кивал головой. Увидев Сидорова, Галунский движением руки подозвал его к себе.

— Это местный урядник Сидоров, о котором я вам говорил,— объяснил Галунский полицмейстеру, а затем повернулся к Сидорову.— Докладывайте, Николай Иванович, все по порядку,— распорядился он.

Сидоров начал докладывать обстановку в Ясной Поляне и все то, что ему удалось узнать. Полицеймейстер и исправник слушали молча, не перебивая Николая Ивановича. А когда услышали о том, что гроб с телом будут принимать на станции Козлова Засека, а не на станции Щекино, оба мгновенно на него взглянули. Сидоров замолчал.

— А вы ничего не напутали? — спросил исправник.

— Никак нет. Какую получил информацию, такую вам и докладываю,— ответил Николай Иванович.

— Вы понимаете, какая на вас ляжет ответственность, если вы ошибаетесь. Если мы сейчас снимем оцепление и направим полицию в Козлову Засеку, а гроб с поезда снимут здесь, на этой станции? — тихим и каким-то металлическим голосом у Сидорова спросил полицмейстер, внимательно глядя на Николая Ивановича своими выпуклыми бесцветными водянистыми глазами.

— Так точно, понимаю,— после некоторого замешательства ответил Николай Иванович.— Какую я получил информацию в имении графа, такую вам и доложил,— вновь повторил он сказанное раньше. Во рту у него мгновенно пересохло, голос осел. Он осознал, в какую нехорошую ситуацию попал. Ситуацию, которая от него была независима, и которую он был не в силах направить в нужное для себя русло. Теперь все будет зависеть от того обстоятельства, где Толстые решат снимать с поезда гроб с телом графа. Либо на той станции, либо на этой. Либо он пан, либо пропал! Наконец полицмейстер отвел взгляд от Николая Ивановича и, повернувшись к исправнику, произнес:

— Если гроб с поезда здесь не снимут, тогда поступим следующим образом,— начал объяснять полицмейстер исправнику, но Николай Иванович не расслышал его дальнейших слов из-за неожиданно прозвучавшего паровозного гудка и шума, подходившего к станции поезда. Через некоторое время из-за поворота показался и сам

состав. Паровоз, фыркая и лязгая вагонными буферами, медленно подходил к станции. Успокоившийся было народ вновь зашумел и стал напирать на полицейский кордон. Еще немного и цепочка бы не выдержала, но в этот момент к ним на помощь подошли конные стражники. Они с двух сторон начали оттеснять людей от станции, и от этого получилась давка. Люди, продолжая петь «Вечную память», оказались стиснуты с боков, и были вынуждены отступить от станции. Лязгнув буферами, поезд остановился. В одном из вагонов открылась дверь и на платформу, придерживаясь за поручни, сошли несколько человек, среди которых был сын Льва Толстого Сергей, секретарь писателя Валентин Булгаков и пианист Гольднвейзер. Увидев на перроне большое количество полиции и жандармов, они заметно растерялись но заметив среди них Сидорова, которого знали, немного успокоились.

— Здравствуйте, Николай Иванович,— поздоровался с Сидоровым Гольденвейзер. Николай Иванович хотел было ответить на приветствие, но неожиданно перехватил на себе недовольный взгляд полицмейстера, тут же осекся на полуслове и не ответил на приветствие.

Полицейстер и исправник направились к сыну Льва Николаевича Сергею Львовичу, а подойдя, начали с ним о чем-то разговаривать. Николай Иванович не слышал их разговор, а потому развернулся и пошел в сторону. «Как же нехорошо получилось, что я не ответил на приветствие Гольденвейзера. Что же он теперь подумает обо мне?! Надо потом ему объяснить всю сложившуюся ситуацию»,— решил он.

Узнав от сына Сергея Львовича Толстого, что гроб с телом графа будут снимать с поезда на станции Козлова Засека, полицмейстер принял решение направить туда всех находящихся в его распоряжении полицейских. Пеших посадили в последний вагон поезда, а конные стражники получили указание следовать в Ясную Поляну своим ходом. Как только поезд отошел от станции Щекино, Николай Иванович направился к своей лошади, которую он оставил на привязи недалеко от станции, и спустя четверть часа уже был в Ясной. Проехав по деревне, он остановился недалеко от въездных башен имения Толстых, остался сидеть в пролетке. Сверху, с пригорка, ему было хорошо видно, как по дороге со стороны станции Козлова Засека к имению медленно приближалась многолюдная, растянувшаяся на несколько километров, шедшая колонной, похоронная процессия. Дюжие молодые парни, многие из которых были одеты в студенческую форму, на поднятых вверх руках несли гроб с телом Толстого. За гробом возвышались транспаранты, на одном из которых Сидоров прочел надпись: *Лев Николаевич! Память о твоём добре не умрет среди нас, осиротевших крестьян Ясной Поляны.* Вдоль колонны, наблюдая за ее движением, следовали на лошадях конные полицейские стражники, а в самой колонне для поддержания в ней порядка шли пешие полицейские, но порядок никто не нарушал. У башенок процессию ожидал различный люд. Крестьяне и рабочие, мещане и купцы, студенты и интеллигенция, корреспонденты, фотографы и кинооператоры. Многие в надежде увидеть мертвого графа Толстого влезли на деревья, но плывший поверх людского потока, словно по волнам огромной и бурной реки, гроб был закрыт крышкой. С приближением к башенкам похоронной процессии все громче и отчетливее слышались слова «Вечной памяти», которую пели шедшие в колонне. Пение подхватили и находившиеся вокруг Сидорова люди, и под пение процессия медленно прошла между башенок и вошла в имение. Пройдя башенки, людской поток направился по Прешпекту вверх и вскоре подошел к дому Толстого, куда и занесли гроб с его телом.

Хоронили Льва Толстого на следующий день, 9 ноября 1910 года. Ночью землю немного прихватило морозцем, и утро выдалось прохладным. Сидорову вместе со станowym Разумовским, несколькими урядниками и крапивенскими городовыми по распоряжению исправника надлежало находиться возле могилы и поддерживать по-

рядок во время похорон графа. Приехав в Ясную Поляну ранним утром и оставив лошадь на подворье яснополянского крестьянина Фоканова, Николай Иванович направился к свежевырытой могиле. Там уже находились становой и городовые, немного позже подошли и урядники. Вскоре около могилы начали собираться люди, а ближе к полудню от дома Толстого к могиле двинулась и похоронная процессия. На этот раз гроб закрыт крышкой не был, и многие вновь влезли на деревья, чтобы лучше разглядеть лежавшего в нем графа. Под пение «Вечная память» похоронная процессия подошла к могиле, несколько крестьян быстро устелили землю венками и на венки опустили гроб. Фотографы и кинооператоры все происходящее, не переставая, снимали на свои аппараты. «На колени!» — раздался из толпы чей-то громкий голос, и вся масса людей встала на колени. Полицейские продолжали стоять. «Полиция, на колени!» — вновь выкрикнул тот же голос, и становой с урядниками и городовыми присели на одно колено и склонили свои головы. На какое-то мгновение наступила полная тишина, а затем, словно по чьей-то команде, все поднялись на ноги. Вновь запели «Вечную память», крестьяне заколотили гвоздями крышку, и гроб с телом графа Льва Толстого опустили в могилу. После похорон люди еще долго не расходились, не уходили и полицейские. Лишь спустя несколько часов имение Толстых частично опустело. После того как полицмейстер выехал в Тулу, исправник собрал полицейских, поблагодарил их за образцовый порядок во время похорон графа Толстого и распустил всех по домам.

Уставший, голодный и печальный вернулся домой в этот вечер Николай Иванович Сидоров.

